

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

16—18 июня 2016

**НИКОЛЯ САРКОЗИ, ПРЕЗИДЕНТ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
(2007—2012 ГГ.)
ЕВРОПА: КАМО ГРЯДЕШИ?**

16 июня 2016 г., 10:15—11:30

Павильон G, Конференц-зал G4

Санкт-Петербург, Россия

2016

Модератор:

Сергей Брилев, Телеведущий, заместитель директора, ГТК «Телеканал «Россия»; президент, Институт Беринга-Беллинсгаузена по изучению обеих Америк

С. Брилев:

Здравствуйте. У нас самая сложная, с технической точки зрения, сессия, которая выходит еще и в эфире телеканала «Россия—24». Я искренне сочувствую тем, кто сейчас занимается титрами, потому что, на мой взгляд, надо писать не «шестой Президент Пятой Республики» или «32-й Президент Французской Республики», просто «Николя Саркози», потому что сегодня у нас поистине феноменальный гость.

Мы схулиганили и назвали эту сессию «Камо грядеши?» или «Quo vadis?», но, помимо библейских ассоциаций, невольно рождается и еще античная, а именно похищение Европы. Не являемся ли мы свидетелями того, как мы, европейцы, пытаемся похитить Европу у самих себя? Может быть, путем возвращения к военной конфронтации, или серьезного торможения в деле интеграции от Владивостока до Лиссабона и от Лиссабона до Владивостока, о которой мы говорили некоторое время назад, или путем такого наплыва беженцев. Много вопросов, и непонятно, мы в тупике или на выезде на автостраду.

Давайте сначала попросим нашего гостя выступить с короткой речью, а потом обязательно будет сессия вопросов и ответов — обещаю всем, кто задавал мне этот вопрос. Президент Саркози, прошу Вас. Мы специально приготовили для Вас трибуну.

Н. Саркози:

С Вашего разрешения, Сергей, я останусь сидеть.

С. Брилев:

Конечно. Тогда мы попросим Вас поделиться своим видением того, что происходит в мире, а потом мы перейдем к общению с залом.

Н. Саркози:

Дорогие друзья, прежде всего, я хочу сказать, что приехал сюда, потому что отношения между Европой и Россией должны быть совершенно иными. Нужно приезжать, когда дела идут плохо. Когда все хорошо, к вам придут

только ложные друзья, а настоящими являются только те, которые будут с вами в тяжелые времена. Для меня частью европейской идентичности является необходимость работать рука об руку с Россией. Я не хочу новой холодной войны, и я буду бороться за то, чтобы ее не было. Она не в интересах европейцев и не в ваших интересах. Берлинская стена упала. Вы стали свободной страной. С 1989 года отношения между Россией и Европой никогда не были такими холодными, именно поэтому я здесь, дорогие друзья. Я приехал, чтобы сказать, что, несмотря на все трудности, есть история и цивилизация, которые должны помочь нам работать сообща. Я действительно так думаю.

Куда идет Европа? Мы живем в мире уже 70 лет, а до этого у нас были только войны. Дорогие российские друзья, самый грубый, самый brutальный, самый воинственный континент в мире — это Европа. До образования Европейского союза мы, европейцы, боролись друг с другом самыми дикими способами, и в России знают об этом. Теперь, когда в Европе воцарился мир, мы никогда не допустим разрушения Европейского союза, потому что во всех 28 странах в каждой семье есть дедушки и бабушки, прадедушки и прабабушки, которые знают, что такое война. Мы в Европейском союзе хотим мира и мы знаем, что он не гарантирован на нашем континенте. Европейская идея устарела, и европейский проект должен быть обновлен, потому что контекст 21-го века не имеет ничего общего с контекстом 20-го. Мы должны переделать Европу, сделать ее независимой. Я верю в наши связи с Америкой, но я хотел бы, чтобы Франция стала все-таки независимой, страной, которая имела бы влияние в мире независимо от мнения США. Сегодня этого нет. Европа должна защищаться, в том числе от миграционных потоков, но предпринимаемых действий недостаточно.

Все говорят о климатических изменениях, но на протяжении тех 4,5 миллиардов лет, что существует наш мир, они происходили постоянно. И наоборот, такого демографического взрыва, как сегодня, мы не знали никогда. Сегодня планета перенаселена — нас 7 миллиардов, скоро будет 9, в 2100 году — 11. Вдумайтесь в эту цифру — 11 миллиардов! Если вы

сложите Европу и Россию, то наше общее население составит порядка 640—650 миллионов человек, а это менее 10% населения земного шара. Можем ли мы позволить себе воевать друг с другом? У нас одни корни, одни писатели, мы любим музыку, у нас общие чувства, мы принадлежим к одной цивилизации, и у нас одна и та же идентичность. Ось мира сместилась в сторону Азии. Из 7 миллиардов населения Земли четыре живут именно там. Мы должны изменить Европу, чтобы она была более независимой и выстраивала мирные отношения с Россией. Мы должны работать вместе и сделать стабилизацию всех стран Южного Средиземноморья нашим дипломатическим приоритетом.

Многие говорят, что русские ведут себя в Европе как хулиганы, и спрашивают, чего хочет Россия? Россия — это самая большая страна в мире. Некоторые люди решили, что в 1990 году ее убрали из дипломатической карты мира, но в 2016 году уже никто так не думает. Россия вновь заняла свое место, но это означает, что она должна взять на себя и обязательства. Никто не отрицает ни авторитет господина Путина, ни его место в мире — вы это прекрасно знаете. Я думаю, Россия должна занять полагающееся ей место на международной арене, тогда она станет одной из сильнейших стран в мире. Нам нужна Россия для того, чтобы преодолеть сирийскую трагедию. Россия должна сделать все возможное для того, чтобы не было двух коалиций, и лидерство господина Путина — я говорил ему об этом вчера — может нам помочь. Мы не решим сирийский вопрос без вашей помощи.

Обратимся к вопросу Украины. Мы справились с грузинской проблемой за четыре дня. Я убежден в том, что проблема Украины не будет решена, если ей не заниматься. Она будет нагромождаться и усложняться. Время работает против нас. Я отношусь к тем, кто считает, что необходимо снять санкции. У нас и без них достаточно проблем. Самый сильный должен протянуть руку первым, а это Россия и президент Путин. У меня хорошие воспоминания о том, как мы решили грузинский вопрос за четыре дня. Кто может возразить против того, что мы сделали тогда? Никто. А для начала серьезных переговоров по Украине потребовалось 18 месяцев. Я не говорю

об отношениях, которые вы поддерживаете с Украиной, — это семейные отношения, и они самые сложные, потому что задействуют чувства.

Вот что я хотел сказать о Европе и России, а также о необходимости устанавливать диалог между нами. Меня спрашивают: «А почему Вы к нам приезжаете сейчас, когда так плохо идут дела?» На что я отвечаю: «Необходимо приезжать именно тогда, когда дела идут плохо». Нам есть что сказать друг другу. А когда все хорошо, то можно ничего и не говорить.

Я благодарю руководителей французских предприятий, которые приехали на Форум. Я хотел бы, чтобы они приняли такое же участие, как и в прошлом году, потому что все мы в этом заинтересованы. Чем больше у нас будет соглашений и контрактов, тем больше мы будем общаться и дискутировать.

А теперь я буду рад ответить на вопросы самого популярного журналиста России. Я знаю, что он честный человек, и буду отвечать на его вопросы откровенно.

С. Брилев:

Кто будет следующим президентом Франции?

Н. Саркози:

У Франции будет другой президент.

С. Брилев:

Через несколько дней начнется саммит НАТО в Варшаве, где будут приниматься принципиальные решения о размещении международного натовского контингента в странах Балтии. Например, последние доклады Центра оборонных исследований в Таллинне говорят о том, что в Прибалтике ожидают прорыва первой русской гвардейской танковой армии в районе Сувалок. Корпорация Rend в США утверждает, что русская армия может дойти до Риги и Таллинна за 60 часов. В России я не знаю людей, которые просыпались бы с мыслью о том, что надо воевать с НАТО и Прибалтикой. Мы не сумасшедшие. Что можно сделать для быстрого

выхода из опасной военной конфронтации двух самодостаточных военных механизмов в Европе — натовского и российского?

Н. Саркози:

В 2008 году на саммите в Бухаресте вместе с Ангелой Меркель мы противостояли вхождению Украины и Грузии в НАТО. Если бы, благодаря настойчивости президента Буша, Грузия стала частью НАТО, конфликт 2008 года был бы гораздо серьезнее.

Я хотел, чтобы Франция заняла достойное место в командовании НАТО, но я могу сказать с уверенностью, что мы уже не живем во времена Советского Союза и Варшавского договора. Холодная война окончена, и НАТО не ставит перед собой цели бороться с русскими — это был бы интеллектуальный регресс. В условиях борьбы с Аль-Каидой, с покушениями такое решение принять невозможно. Возникает ощущение, что возникла конфронтация между Россией и Европой, но такая точка зрения для меня недопустима: такое мышление является стратегической ошибкой.

Я хорошо отношусь к инициативам, принятым в ходе саммита в Лиссабоне. Если я правильно помню, в 2010 году я требовал, чтобы Россия присоединилась к ним. В конечном итоге, перед нами стоят одинаковые угрозы: в первую очередь, речь идет о джихадизме. Я хочу, чтобы Европа и НАТО обладали противоракетным щитом, но нужно, чтобы Россия присоединилась к нему. Я уже сказал все, что я думаю по этому поводу.

Кроме того, в ближайшее время я встречаюсь с господином Юнкером. Я расскажу ему, насколько осторожными надо быть в принятии решения о дальнейшей судьбе санкций. К какому результату мы придем в дипломатической холодной войне? Мы все меньше разговариваем друг с другом и все глубже погружаемся в кризис. Я предложил президенту Путину, чтобы он снял санкции со своей стороны, а в обмен на это будут применяться решения Минска-2. Вместо блокирования дальнейшего развития отношений санкциями давайте создадим благоприятные условия для их отмены.

Мне бы хотелось, чтобы господин Путин объявил о снятии санкций, со своей стороны, а мы, со своей, последуем движению в этом направлении. У нас достаточно экономических проблем. Украинское правительство будет применять Вторые минские соглашения. Кризис всегда заканчивается одинаково: первая инициатива должна исходить от того, кто в него не верит. Покажите правильный путь, подайте пример, снимите санкции, а мы, ваши друзья, мы сделаем все возможное, чтобы прийти к умиротворению ситуации.

Что произойдет, если этого не сделать? Вторые минские соглашения будут применяться еще меньше при наличии санкций. А если мы отменим их, то покажем другой путь развития: санкции России против Украины, санкции Европы против России и санкции США против всех играют роль против всех — с ними мы впадаем в регресс. Я предлагаю выйти из этого замкнутого круга, и вы первыми должны объявить об этом, и все остальные последуют за вами. Я не хочу, чтобы Россия проявила слабость. Президент Путин — прекрасный собеседник, ему можно доверять. Мы должны разговаривать друг с другом, чтобы начать позитивную динамику в отношениях. Сейчас ситуация развивается по негативному сценарию, нужно что-то менять для достижения мира и стабильности.

Вы сами страдаете от положения, в котором все мы оказались. Страдают наши производители, страдает украинский народ. Кто может сказать, что все само устроится? Нет, так не получится, нужно переломить отрицательную динамику. Единственная инициатива — это мирная инициатива, которая должна исходить от вас и от нас, ни от кого другого, потому что отношения между Европой и Россией не должны диктоваться извне. Такова моя позиция.

С. Брилев:

Я воспользуюсь ситуацией и задам последний вопрос об Украине, который, я думаю, интересует всех присутствующих здесь. На Франции лежит особая ответственность: французский министр иностранных дел был среди гарантов соглашения, которое было подписано Януковичем и оппозицией, с

чего, собственно говоря, начались события на Майдане. Франция стояла у истоков этих событий. Во взаимоотношениях Европы и Украины меня удивляет то, что Европа не советует украинцам сделать то, что неплохо получилось у нее самой: немецкоязычный Южный Тироль в Италии; Аландские острова в Финляндии, которые не входят в налоговый режим Евросоюза: немецкие кантоны внутри Швейцарии, где действует внутреннее швейцарское законодательство. В Европе масса рецептов того, как защитить меньшинства и с лингвистической, и даже с экономической точки зрения. Почему вы не посоветуете украинским партнерам попробовать что-нибудь такое?

Н. Саркози:

Я всегда считал, что Украина — это мост между Европой и Россией. Если вы сломаете его на одном из берегов, то он перестанет существовать. На Украине 42 миллиона жителей, из которых, по крайней мере, 30% говорят по-русски. Судьба Украины — это выстраивать хорошие отношения с Европой и с Россией одновременно. Украина не может выбрать одного партнера: она должна быть другом и России, и Европы. По этой причине я всегда считал ошибкой интеграцию Украины в НАТО и в ЕС. Сейчас я готовлю предложение по этому поводу.

С этого момента мы не будем думать о том, что было сделано не так и почему мы не смогли избежать драматического развития событий на Украине. Надо вмешаться сейчас же. Каково же решение? Надо потихоньку стабилизировать ситуацию. Есть русскоязычное меньшинство, которое чувствует себя ущемленным на Украине. Нужно, чтобы в определенный момент оно было защищено при сохранении суверенитета Украины, который несомненен и не оспаривается. Такая большая и великая страна, как Россия, не может считать, что она имеет право не соблюдать международные правила и суверенитет своих соседей. Самым большим злом, самым плохим решением украинского правительства будет устранение русского языка как официальный. Когда 30% населения Украины говорит на русском языке, нельзя запретить им это запрещать. Вы

всегда будете жить вместе, в мире. Нужно разблокировать ситуацию: положить акт доверия на стол и снять санкции. После закона об амнистии — я не знаю, почему до сих пор его не упомянули — после принятия Конституции, что так и не было сделано, можно прийти к защите русскоязычного меньшинства и соблюдению территориальной целостности Украины. Для этого нужно вести обсуждения, но ничего не делается. Нам нужен основополагающий акт, которым должно стать снятие санкций, которые все портят.

Что касается будущего, я думаю, что нам надо представить себе новое пространство для нашего континента, в основе которого будут лежать три элемента — Россия, Европейский союз и Турция. Таким образом, на нашей общей территории проживает 800 миллионов жителей. Надо выделить три основных аспекта такого пространства. Во-первых, общая политика на самом высоком уровне. Во-вторых, безопасность, потому что у нас общий враг — джихадизм. И в третьих, экономическое сотрудничество. Мы могли бы быстро присоединить Украину к общему пространству, или интегрировать в него Белоруссию. Благодаря такому подходу, мы найдем новые способы для выражения политического согласия или несогласия, как это должно делаться в 21-м веке — в атмосфере мира и дружбы. Таким образом, Европа и Россия получают возможность вести себя как партнеры и как друзья.

В современном мире все взрывается и рушится. Через 25 лет после падения Берлинской стены мы не можем снова начать Холодную войну. Какой в этом смысл для вас или для нас? Все мы будем страдать гораздо больше, чем вы думаете. Соединенные Штаты не должны диктовать, как Европе и России выстраивать двусторонние отношения. Мы должны решать это между собой.

Сделайте красивый жест Украине, и ситуация сразу наладится. Подумайте о Грузии в 2008 году. Кто сейчас вспоминает об этом? Никто не потерял лицо, и положение исправилось.

С. Брилев:

У меня не бывает столько энергии. Я начинаю догадываться, кто будет следующим президентом Франции.

У нас есть микрофоны, и я уверен, что есть много желающих задать вопрос. Пожалуйста, дайте мне знать, у кого есть вопросы. Давайте начнем. Конечно, в присутствии Саркози неверно начинать с левого фланга, но так и быть.

Вопрос из зала:

Ангела Меркель и Владимир Путин говорят о том, что нужно приложить максимум усилий для восстановления экономического сотрудничества на пространстве от Лиссабона до Владивостока. Такие высказывания могут иметь различную трактовку. Есть разные варианты восстановления отношений между Евразийским союзом и Европейским союзом. Как Вы относитесь к этим реалиям, учитывая все осложнения, о которых Вы говорили? Спасибо.

Н. Саркози:

Возможно, я не до конца понял ваш вопрос, но все равно попытаюсь ответить на него. Может быть, Сергей мне поможет.

Я уже говорил, что из семи миллиардов людей на планете четыре живет в Азии. Население Африки скоро будет насчитывать 2,5 миллиарда жителей. Если русские и европейцы разделятся, то есть риск того, что мы будем вычеркнуты с карты, что мы больше не будем существовать политически, дипломатически, экономически. Мы должны работать вместе. Над чем? Прежде всего, над реформой мирового правительства. Вы — одна из главных стран-производителей сырьевых материалов. Регулирование цен на сырьевые материалы. Нефть, которая может колебаться от 120 до 20 долларов за баррель, сегодня стоит 45. Нормально ли это? Кто пользуется этим? Для кого это выгодно? Через два года цены снова вырастут. Вы не думаете, что Европа, Россия и наши партнеры могли бы вместе заложить базу для урегулирования ситуации в мире? Если вы будете действовать

независимо от других, никто не слушает ни вас, ни нас, поэтому нам нужно работать вместе.

У вас замечательное сельское хозяйство. В прошлом году вы продали в десять раз больше зерна. Значит, в этой сфере присутствует спекуляция, а мы заинтересованы в прозрачности и в этом вопросе. Россияне и европейцы по-настоящему близки. Я верю не только в общий рынок, но и в регулирование. Эти ценности мы должны привнести в Совет безопасности. Нет ни одной африканской и ни одной южноамериканской страны, которая являлась бы постоянным членом Совета безопасности. Надо поставить вопрос о новом подходе к регулированию ситуации в мире. Я друг США, но я не могу принять то, что мы используем доллар и подчиняемся американской юстиции. Где вы видели такое? Я не могу принять санкции против французских предприятий. Вам не кажется, что мы высказать свое мнение по вопросам глобализации и мировой цивилизации? У нас есть своя позиция и по финансам, и по работе банков. Необходимо, чтобы Международный петербургский форум уделял внимание и будущему глобализации, и новому подходу к управлению миром, чтобы мы могли решить проблемы с Украиной и справиться с другими трудностями. Для этого нужно взаимное доверие сторон. Таков мой ответ на Ваш вопрос.

С. Брилев:

Кто будет следующим президентом Франции?

Крупнейший российский специалист в электоральных системах, политолог Евгений Мищенко. Евгений, пожалуйста.

Е. Мищенко:

Большое спасибо. Я, кстати, пишу новую книгу о предстоящих выборах президента Франции и надеюсь, что...

Н. Саркози:

Я прочитаю ее с удовольствием.

Е. Мищенко:

Я хотел бы, чтобы Вы были одним из ее ярких героев.

У меня вопрос о кризисе двухпартийной системы в Евросоюзе. Мы видим, что в последнее время, скажем, на выборах президента Австрии появляются новые политические силы. Во Франции — «Фронт Националь», в Великобритании — изоляционисты и предстоящий референдум о ее выходе из состава Евросоюза. Как Вы думаете, удастся ли, в том числе и Вам как представителю одной из таких правых сил, удержать эту систему? Или все-таки она каким-то образом взорвется? И если это произойдет, то как это повлияет на судьбу Евросоюза? Спасибо.

Н. Саркози:

Прежде всего, благодаря руководителям партии, которые находятся здесь, «Национальный фронт» не победил ни в одном регионе и ни в одном департаменте во Франции. Потому что мы поставили преграду. Если бы нас не было, то они действительно одержали бы победу повсеместно.

Во-вторых, Вы правы, это огромная проблема. Политические дебаты в Австрии: во второй тур вышел лидер ультраправых Николя Бобо, ему 72 года. И это интеллектуальная столица Европы в первой половине 21 века! Повсюду выступают популистские силы. Что происходит? Европейские элиты не поняли необходимости идентичности европейских народов. Я сказал бы больше: глобализация наступает, и каждый из нас должен найти свои корни и свою идентичность. Испанцы, итальянцы, греки — мы братья, но есть испанская идентичность, и она отличается от итальянской или французской. Без уважения идентичности не бывает разнообразия, и было бы крупной ошибкой со стороны европейцев отказываться от этого конституционного проекта, особенно когда речь идет о Европе как о христианском сообществе. Но сегодня она уже не является таковой, и в этом и заключается огромная разница между тем, где мои корни, и тем, кем я стал, благодаря ответвлениям. Если вы не знаете, откуда вы и каковы ваши корни, вы не будете знать, куда вы идете, и тогда у вас нет будущего.

Сейчас я нахожусь в Санкт-Петербурге, в стране, которая знает, что такое идентичность. Я хочу плоского мира, с одной культурой, с одним языком, с одной музыкой, с одним кино. Я всем сердцем верю в Европу, но Европа не может существовать без идентичности, потому что Европа — это сумма идентичностей, а не отрицание их. Вот что происходит в нашей стране и на нашем континенте: технократическая Европа, которая отказывала народам в выражении своей идентичности. Результатом стал невероятный подъем популизма. Но вопрос не в Марин Ле Пен и ком-то еще, вопрос в нас. Мы не проявили достаточной твердости в этих аспектах и мы за это подъемом популизма.

Здесь, в Санкт-Петербурге, я хотел бы объяснить то, что я сказал бы и в Москве. Кто может сказать, что Москва и Санкт-Петербург — это одно и то же? Кто может отрицать территориальную и историческую идентичность, когда мы чувствуем, что отличает нас друг от друга или что нас, наоборот, объединяет? Поэтому, господин Мищенко, мы верим в свои убеждения и боремся с популизмом Европе. И я не знаю, выиграем мы или нет, но мы сделаем все возможное, чтобы это было именно так.

С. Брилев:

Скажу буквально пару слов.

Мне очень памятна Ваша речь в Давосе, когда, по-моему, в 2010 году Вы сказали, что в кризис даже самый космополитный бизнес вспоминает, какой паспорт лежит у него в кармане, и идет к своему правительству за помощью. А у меня к Вам практический вопрос: а какой паспорт у Вас в кармане — обычный или дипломатический?

Н. Саркози:

Я всегда путешествую по обычному паспорту.

С. Брилев:

Я клоню к тому, что надо начинать с мелочей: давно пора отменить визы.

Н. Саркози:

Визы куда?

С. Брилев:

В Европейский союз.

Н. Саркози:

Для меня все ясно. В условиях, в которых сейчас находится Европа, мы должны защищать свои границы и контролировать их. Я выступаю за поддержание визового режима в странах с чрезвычайным положением. А у нас именно такое!

Здесь, в Петербурге, я не хочу говорить, что даже при чрезвычайном положении такие меры должны распространяться на всех. Визы для студентов или для деловых людей — это другой вопрос.

Поверьте мне, мы находимся в состоянии войны, и мы принимаем меры для того, чтобы выиграть ее. Речь не идет о недоверии к россиянам. Более того, я нахожу невероятным, когда Турции обещают отмену визового режима. В интересах соблюдения безопасности Европы это невозможно. Я ощущаю себя европейцем, и вам должно быть спокойнее, если вы будете знать, что Европа управляется людьми с внутренним стержнем, которые хотят сохранить свои ценности. Сейчас не тот момент, когда можно обещать всем конец визового режима, и это не имеет ничего общего к моему отношению к России, но это напрямую связано с тем, что я думаю о вопросах безопасности. И меня удивляет, что мой друг президент Путин считает, что в Россию можно въезжать любым образом. Ситуация гораздо сложнее, чем ему кажется.

Галина Дудина:

Большое спасибо. Если позволите, я задам вопрос по-французски.

Господин президент, меня зовут Галина Дудина. Я журналист газеты «Коммерсантъ». Вы предложили, чтобы Россия первой отменила санкции.

Но как гарантировать, что Европа будет действовать таким же образом, если учесть строгую позицию Польши и стран Балтии в этом отношении?

Н. Саркози:

Прежде всего, я хочу поприветствовать Вас и поблагодарить за прекрасный французский язык. Это напоминает о том, что во времена Толстого, Достоевского здесь говорили по-французски. Существует традиционная дружба между Францией и Россией. Поверьте мне, ваши писатели дорогого стоят, и вы должны гордиться тем, что являетесь наследником страны, где жили такие гении, и эта гордость должна усиливать чувство идентичности русской души. Никто не может противостоять этому.

Какая гарантия? Только здравый смысл. Вы еще молоды, но в жизни, когда вы решаете основать семью, какая у вас гарантия? Никакой гарантии на будущее нет, но вы делаете это, вы основываете семью. Когда вы хотите зачать ребенка, какая гарантия того, что он будет жить в мире и что он будет счастлив? Люди совершают такие поступки, потому что верят в них, а не от того, что им даются какие-то гарантии. В настоящей жизни ты прыгаешь с одной трапеции на другую, и у тебя нет страховочной сетки. Гарантия — это когда ты силен, а когда ты силен, ты первым делаешь подобные жесты.

Если Россия сделает такой жест доброй воли, думаете, Европа не ответит сразу же? Я думаю, что Европа ответит адекватно, потому что она этого хочет. Вопрос именно в том, кто первым сделает жест, кто доверяет больше. Я говорил президенту: «Сделайте такое предложение. Чем вы рискуете? Если не получится, вы всегда сможете его отозвать». Нужно, чтобы за круглым столом начал первым, иначе вы пригласите меня на будущий год, и мы снова будем говорить об украинской проблеме, а еще через год ситуация только ухудшится. Нет никакого риска в том, чтобы первым сделать жест доброй воли. Люди скажут: «Смотрите-ка, Россия протягивает руку первой». И такова миссия великой. Маленькая страна не может этого сделать: когда она протягивает руку первой, это признак слабости. А когда великая страна это, это символ ее мощи.

Ложные друзья никогда вам не посоветуют этого, а я вам это говорю, потому что я — настоящий друг России. Я убежден, именно так нужно решать ситуацию.

Когда российские танки были в 40 километрах от Тбилиси, президент Медведев и премьер-министр Путин спросили, не будет ли это признаком слабости, если они остановят наступление российской армии. Наоборот, это было символом силы, которая существует только тогда, когда ей управляют. В составе моей делегации есть Давид Дуйе, двукратный олимпийский чемпион по дзюдо. Когда я дискутирую с ним, он не обязан проявлять силу по отношению ко мне, потому что знает, что он гораздо сильнее меня. Тот, кто слабее, всегда задиристый, а сильный всегда должен проявлять добрую волю, и поэтому Россия должна первой протянуть руку. Вы сделаете это и увидите результат. А если не сделаете, то поймете последствия такого решения. Я привязан к вашей культуре, к вашей стране и к вашему президенту. Я всегда говорил, что я друг президента Путина. Это не значит, что у нас нет разногласий, но именно они делают наши дискуссии увлекательными. И я всегда и везде говорю одно и то же, и на Украине, и в Грузии.

Каковы гарантии? Спросите у политологов. Какая гарантия выиграть выборы? Никакой, но все-таки все идут на выборы. Какая гарантия, что в конце дня у вас будет хорошее состояние здоровья? Никакой, но все-таки вы продолжаете жить. Жизнь — это риск.

С. Брилев:

А если не секрет, что ответил президент Путин на Ваше предложение?

Н. Саркози:

Я не являюсь его представителем и не могу разглашать это. Я думаю, что он произнесет речь, и вы узнаете, что он ответил.

Но я всегда говорил, что с вашим президентом можно разговаривать, его можно слушать. Он не всегда согласен с вами, но это человек, с которым можно общаться. И я очень ценю в нем то, что мы всегда говорим открыто и

честно. Я не люблю дипломатические дискуссии, которые настолько интеллектуальны, что ты не понимаешь, что сказал твой собеседник. Они всегда заканчиваются фразой «Мы будем делать, как было сказано». Но в результате ничего не было сказано. Тогда ничего и не делается. Но это не стиль президента Путина.

Е. Лукошков:

Евгений Лукошков, фонд «Русский Нобель».

Вопрос о культуре. Несмотря на то, что Форум экономический, будет логично поговорить о культуре. Французская культура всегда имела огромное влияние на Россию и на ее жителей. Мы отчасти воспитаны на французской культуре, и поэтому у нас такое родственное отношение к вам. Скажите, какое влияние имеет русская культура на сегодняшнюю Францию? Спасибо.

Н. Саркози:

Я очень люблю русскую литературу и русское кино. Отдельно стоит отметить свойственное русской культуре отношение к земле, к фатальности, особое отношение к трансцендентному, к религии, к истории, чувства к родине, к стране, то, каким образом вы смогли преодолеть испытания, которые вам выпали в 20-м веке.

Я часто рассказываю такую историю. Полтора года назад я имел честь быть приглашенным в престижный московский университет, где я произнес речь перед двумя тысячами молодых студентов. Мой доклад транслировали в прямом эфире российского телевидения. Вернувшись, я сказал супруге: «Какая в России молодежь! Восемь десятилетий коммунизма, Варшавский договор, и, несмотря ни на что, в 1989 году возникла российская молодежь — необыкновенно интеллектуальная, великолепная физически, обращенная к внешнему миру, похожая на нас, разделяющая те же амбиции, те же ценности, те же озабоченности, независимо от языковых проблем. Все говорят по-английски, некоторые из приглашенных говорили по-французски. Это прекрасная, европейская молодежь». Мы братья и

сестры. Достаточно приехать в Россию, пройтись в Петербурге по улицам для того, чтобы почувствовать европейскую культуру. Когда сегодня утром я говорил со своими друзьями, с российскими деловыми людьми, я чувствовал, что мы принадлежим одной культуре, которая исповедует одни и те же ценности, чувства и ностальгию. Мы живем вместе. История разбивала наш континент — мы помним историю коммунизма и разделение на два блока, но эта эпоха закончилась, мы освободились от этого. Вы достаточно пострадали от того, что было в прошлом. У России сложная история, но эта страница перевернута. А для нас Россия остается великой страной, к которой мы так близки и которую мы так часто не знаем. Спасибо за музыку, которая сближает нас. Конечно, у меня тоже есть телефон, который издает эти звуки, но что ж поделаешь.

С. Брилев:

Это была песня Карлы Бруни. Все хорошо.

Н. Саркози:

Прошу вас. Оставим это.

Мария:

Меня зовут Мария. Я корреспондент из Швеции. Я хочу задать вам вопрос по-английски. Мне любопытно, какие разногласия у Вас с президентом Путиным. Могли бы Вы рассказать о разногласиях и об общности политики России и госпожи Ле Пен?

Н. Саркози:

Я немного не понял.

У меня есть разногласия с господином Путиным, в том числе и по вопросам международных границ. Я думаю, что они должны соблюдаться.

Я не знаю, какое отношение Марин Ле Пен имеет к этому вопросу. Я с ней не дружу, наоборот, я с ней воюю, и господин Путин никогда не говорил мне

о ней. Я думаю, что он занимается другими задачами. Я не буду придумывать другие разногласия — у нас их нет.

Я не буду высказывать свое мнение о внутренней политике России. Владимир Путин — президент, избран демократически и управляет этой большой страной. Если вы спросите меня выборах президента США, я не знаю, кого они выберут, но в этом отношении визит Барака Обамы в Великобританию очень подвинул европейские дела. Я думаю, что каждый должен заниматься своими внутренними политическими вопросами. Мы, французы, не любим, когда вмешиваются в наши дела, и поэтому нет необходимости плохо высказываться о том, что делают другие, в том числе Швейцария.

С. Брилев:

С Трампом или с Хиллари?

Н. Саркози:

Я в дружеских отношениях с Хиллари Клинтон. Это женщина, которой я восхищаюсь, и я имею право об этом сказать. Я много с ней работал. После первого цветного президента крайне символичным будет избрание первой женщины-президента США.

Но я напоминаю вам, что я француз, а не американец. И только американцы имеют право голоса в этом вопросе. Во времена президента Буша некоторые говорили: «Я не люблю США, потому что там Буш». Мне это казалось странным. Разве мы должны соизмерять свою любовь к американцам с их президентом? Президенты уходят, а люди остаются. Поэтому нужно работать с тем, кого изберет американский народ.

Может быть, последний вопрос?

П. Козлов:

Добрый день, господин президент. Большое спасибо за возможность задать вопрос. Меня зовут Петр Козлов, я корреспондент газеты «Ведомости».

Вы сказали, что у вас много общего с президентом Путиным в подходах и что точки зрения совпадают. В то же время вы только что сказали о том, что вы не во всем с ним согласны, и говорите об этом своим европейским партнерам. В частности, вы упомянули вопрос международных границ. Ответьте, пожалуйста, на мой прямой вопрос: в каких границах находится Крымский полуостров? Это Россия, или это Украина? Спасибо.

Н. Саркози:

Крым упоминался в Минске-2? Нет. Вот мой ответ. Почему вы хотите, чтобы я был большим реалистом, чем король? Во вторых Минских соглашениях нет ни одного слова по Крыму. Почему вы хотите, чтобы я говорил на эту тему? Я говорил о применении договоренностей Минска-2, и это несложно. Мы хотим выйти из кризиса или остаться в нем? Если вы не хотите смотреть в будущее, смотрите в прошлое. В рамках Минска-2 мы как раз старались преодолеть былые трудности, не упоминая о Крыме.

С. Брилев:

Большое спасибо. Человек-феномен Николая Саркози. Пожалуйста.

Вопрос:

Центр анализа стратегий. Вы правы в отношении России. Можно найти соглашения по нынешнему кризису без всяких проблем. Господин Парубий, национал-социалист из Верховной Рады говорил о Восточной Украине. Есть другие националисты, которые ведут себя как разбойники, например, на трибуне Рады. Для них решение по Донбассу — это хорватское решение. Я понимаю, как вы разговариваете с россиянами, и вы это делаете. Но как все-таки говорить с откровенными национал-социалистами?

Н. Саркози:

Кому вы хотите дать предпочтение по украинскому вопросу — демократам или национал-социалистам? С внешней точки зрения, чем дольше кризис будет длиться, тем больше он будет углубляться, и от этого выиграют

экстремисты с обеих сторон. Если вы хотите, чтобы победили украинские демократы — а они существуют — необходимо брать инициативу на себя. Если нет, то произойдет следующее: в каждом лагере экстремисты возьмут власть, и у меня есть доказательства того, что на Украине их сейчас больше, чем полтора года назад, потому что ситуация стала хуже. И если вы хотите, чтобы я разделил вашу точку зрения, необходимо, чтобы русские взяли инициативу на себя для того, чтобы стабилизировать ситуацию, потому что на Украине еще есть люди доброй воли, демократы, и именно они нуждаются в том, чтобы ситуация разрешилась. Я знаю, что происходит там во внутреннем политическом диалоге. Но что вы хотите? И надо помочь самым уравновешенным или, наоборот, экстремистам? Мне кажется, что для России хорошо, чтобы вы присоединились к лагерю украинских демократов — они существуют.

Большое спасибо за этот обмен мнениями.

С. Брилев:

Если вы не против, я задам один вопрос для своей программы, которую все смотрят в субботу, а всем остальным огромное спасибо.